

Прологомены к «встречной идеологии». Размышления над книгой: А. В. Щипков. Незавершённый нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления

Аннотация. Статья представляет собой размышления по поводу книги А. В. Щипкова «Незавершённый нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления». В ней автор предложил довольно парадоксальную концепцию, указывая на либерализм как идейный «корень» современного нацизма. Ранее сближение либерализма и фашизма было интеллектуальным ходом, характерным скорее лишь для левой интеллектуальной среды. Но автор отмечает, что данная версия о связи фашизма с либерализмом вполне оригинальна и самостоятельна. Как необходимое условие обсуждения вводится обязательный учёт того, что либерализм создаёт внешний идеологический «защитный пояс» нацистских доктрин.

Поэтому серьёзная концепция современного нацизма должна обладать иммунитетом к либерально-неонацистскому подходу, исключать любые возможные либеральные концепты на уровне собственных оснований. Эта методологическая дистанцированность даёт автору опровергнуть наиболее распространённые клише в отношении нацизма, например, что нацизм возник в Европе непредсказуемо и случайно, является совершенно нетипичным исключением для западной цивилизации. А. В. Щипков в своей книге проводит ту мысль, что нацизм рождается не как исторический ответ на марксизм и коммунизм, но гораздо раньше — как расистская политико-идеологическая форма колониальной модели капитализма. Нацизм представляет собой не случайную историческую ошибку или социальный системный сбой, а естественный продукт западного модерна. Пространственно-завоевательный пафос фашизма можно связать с традицией колониальных захватов, начатых европейцами ещё в конце XV века, что в конечном счёте привело к знаменитой формуле «бремя белого человека». Таким образом, расизм, нацизм и либерализм имеют общую ценностную систему, которая включает в себя принцип разделённого мира и градации «человеческого материала». Отдельным важным тезисом книги является то, что исторические корни родства фашизма и либерализма, то есть европейского комплекса цивилизационного превосходства, уходят в религиозную сферу, в протестантизм и Реформацию (это, впрочем, никак не означает, что люди с протестантским вероисповеданием и (или) мировоззрением непременно склонны к нацизму и расизму). Попытка как бы теоретически «завершить» нацизм предпринята А. В. Щипковым в тот момент, когда этот зловещий феномен не просто возрождается на наших глазах, при этом получая всестороннюю поддержку либерального Запада. «Поле боя» сегодня стало и ментальное пространство, в котором идёт схватка за умы и души наших людей. Поэтому эта книга А. В. Щипкова имеет ещё и вполне прикладное — идеологическое значение.

Ключевые слова: нацизм, фашизм, либерализм, социализм, тотализм, протестантизм, А. В. Щипков

Для цитирования: Поляков Л. В. Прологомены к «встречной идеологии». Размышления над книгой: А. В. Щипков. Незавершённый нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления // Ортодоксия. — 2025. — № 1. — С. 102–121. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-102-121

Привычно полагать, что такие идеологические конструкты, а тем более политические практики, как итальянский фашизм, немецкий нацизм (национал-социализм), с одной стороны, и англо-американский либерализм, с другой, — это крайние полюса мировоззренческого континуума, образуемого западной цивилизацией. Их отношения настолько антиномичны, что нет, казалось бы, ничего проще, чем разделить существовавшие ранее и даже существующие сейчас политические режимы на «тоталитарные» и, соответственно, «либеральные демократии». Но не всё так просто, как ещё совсем недавно казалось.

Антиномия «нацизм/фашизм — либерализм» на 70 лет оказалась «опосредована» таким явлением, как советский (он же — русский) «коммунизм». Из-за чего понятие «тоталитаризм» стали охотно проецировать не только на политическую практику фашизма/нацизма, но и на СССР периода сталинского тридцатилетия (1924–1953). Например, крупнейший представитель русской религиозной философии XX века Иван Александрович Ильин уверенно оперировал этим понятием при анализе нацистской Германии и коммунистического СССР, различая при этом тоталитаризм «правый» и тоталитаризм «левый» (Ильин 1992: 75–76)¹.

Вообще вся история послевоенной (т. е. после Первой мировой войны) Европы и США очень наглядно демонстрировала распад западной цивилизации на две принципиально враждебные силы. Послевоенный либерально-демократический порядок оказался серьёзно маргинализирован и оттеснён как бы в идеологические «офшоры»: в Великобританию и США. Тогда как на континенте одна за другой триумфально побеждали фашистские, национал-социалистические и паранацистские силы (Италия — 1922 год; Германия — 1933 год; Испания — окончательно к 1939 году). Да и в самой цитадели американско-британского либерализма фашистские движения, открыто заявляя о себе, приобретали определённую популярность.

А на просторах советской Евразии шёл не менее триумфальный процесс строительства социализма «в одной отдельно взятой стране». Вопреки Карлу Марксу и Льву Троцкому, который такое строительство считал делом безнадёжным и даже предательским по отношению к задаче победы коммунизма в мировом масштабе посредством «перманентной революции». За это Троцкий и был изгнан Сталиным из СССР в январе 1929 года. Однако, высланный из страны тем же режимом, который он

¹ См. (Ильин 1992: 75–76).

создал в октябре 1917 года и за который отвоевал в годы жесточайшей Гражданской войны, Троцкий продолжил идеологическую и политическую войну против Сталина вплоть до своей гибели в 1940 году.

Троцкий неустанно доказывал, что антимарксистская утопия построения социализма в одной отдельно взятой стране обернется идейным перерождением. И после того, как в сентябре 1939 года началась Вторая мировая война, он написал: «Однако перевес стратега Гитлера над тактиком Сталиным очевиден. Польской кампанией Гитлер привязывает Сталина к своей колеснице, лишает его свободы маневрирования: он компрометирует его и попутно убивает Коминтерн. Никто не скажет, что Гитлер стал коммунистом. Все говорят, что Сталин стал агентом фашизма» (Троцкий 1990: 410–411).

И этот результат, полагает Троцкий, вполне закономерен, поскольку отказ Сталина от стратегии «перманентной революции» неизбежно маргинализировал большевистский эксперимент, замыкал его в национальных границах. А, как утверждал Троцкий в книге о перманентной революции, которую он начал ещё в 1928 году будучи в ссылке в Алма-Ате, «завершение социалистической революции в национальных рамках невозможно» (Троцкий 1990: 286). Он специально подчёркивал, что «разрыв с интернациональной позицией всегда и неизбежно ведёт к национальному мессианизму» (Троцкий 1990: 287). И затем прямо использовал термин «национал-социализм» для характеристики сталинской позиции. В частности, он писал: «Коммунистический интернационал низводится теорией национал-социализма на степень подсобного орудия, полезного для борьбы против иностранной интервенции» (Троцкий 1990: 288).

Разумеется, использование Троцким термина «национал-социализм» в отношении теоретической позиции Сталина совсем не означает, что он отождествляет ВКП (б) с NSDAP. Сталин — не Гитлер, но превращается в «агента» Гитлера. Но здесь также важно отметить, что сама идея сопоставления сталинского и гитлеровского режимов была высказана крупнейшим представителем левой мысли, а не теоретиками либерально-демократического лагеря.

Однако в дальнейшем, особенно после распада СССР в 1991 году, тема сопоставления коммунистических и фашистских/нацистских режимов вплоть до их объединения в общем понятии «тоталитаризм» получила своё основательное развитие. Как уже было сказано, с ней концептуально работал И. А. Ильин, а в западной историографии она постепенно стала

мейнстримом, превратившись в конце концов в теоретическую платформу для конкретных политических выводов.

Однако вот что справедливо отметил немецкий историк Эрнст Нольте: «В действительности вопрос о тоталитаризме не приобрёл бы столь выдающегося значения, как это произошло в последнее десятилетие, если бы в основе его не лежало убеждение, что существует специфически современная форма тоталитаризма и что в рамках этой формы национал-социализм и большевизм по существу совпадают. Однако если два феномена проявляют далеко идущее сходство, но выросли из разных ситуаций, на очень различных субстратах и провозглашают очень непохожие цели, то либо это чисто формальное сходство, либо один из них следовал примеру другого. Возможно, что большевизм в его определённой стадии следует назвать фашистским, а фашизм в целом — большевистским: решение этого вопроса возможно лишь после того, как понятия “фашизм” и “большевизм” будут содержательно изучены во всей их своеобразной природе, а не заранее подведены под понятие “тоталитаризм”» (Нольте 2001: 20).

Эти предупреждения Э. Нольте остались неслышанными европейскими политиками. И в сентябре 2019 года Европарламент принял резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы», которая фактически зачисляла в один общий ряд сталинский СССР и гитлеровскую Германию, объединяя их под общим брендом — «тоталитаризм».

Таким образом, сложилась определённая идеологическая и даже интеллектуальная традиция, в рамках которой нацизм/фашизм и коммунизм рассматривались как явления, если не выраставшие из одного корня, то типологически близкие. Или даже практически полностью тождественные — хотя бы в том отношении, что в одинаковой степени они противостоят либеральной демократии.

Что же касается общего «корня», то феномен европейского фашизма пытались объяснить, ссылаясь на некоторых мыслителей ещё девятнадцатого века. Довольно часто упоминается фигура Фридриха Ницше с его культом «сверхчеловека» и радикальной критикой демократии. Но стоит обратить внимание на такую фигуру, как Жозеф де Местр, что и сделал британский историк и философ Исайя Берлин. Его статья «Жозеф де Местр и истоки фашизма» (1990) стала в определённом смысле канонической, связав происхождение фашизма XX века с фигурой одного из крупнейших представителей европейского консерватизма конца XVIII — начала XIX века — Жозефа де Местра (1753–1821).

Жозеф де Местр провёл в России довольно значительное время (1803–1817) в качестве посланника сардинского королевства. Он оказал определённое влияние на русские интеллектуальные круги, о чём он сам написал в книге «Санкт-Петербургские вечера». При этом де Местр проникся очень тёплыми чувствами по отношению к нашей стране, о чём говорил в набросках главы, не вошедшей в окончательный текст «Вечеров». В частности, вот что говорит Граф — персонаж, репрезентирующий самого де Местра:

«До последнего вздоха я буду помнить Россию и возносить за неё молитвы. Благодаря доброжелательности её обитателей страна эта стала для меня родной, и я всегда испытываю радостную признательность, когда меня уверяют, что я — русский. Ваше счастье останется вечным предметом моих мыслей» (Жозеф де Местр 1998: 606). По странной случайности если не «наше счастье», то история и судьба русской культуры XIX века стали серьёзным «предметом» мыслей самого Исая Берлина. Он основательно изучил «Санкт-Петербургские вечера» и обнаружил там идеи и концепции, которые, с его точки зрения, могут считаться профашистскими.

Например, такое рассуждение: «Но какое же существо станет истреблять того, кто истребляет всех? Он сам: именно человеку предписано убивать человека. Так (...) неуклонно исполняется **великий закон насильственного истребления живых существ. И земля, непрерывно орошаемая кровью, есть лишь громадный алтарь, где всё живущее должно приноситься в жертву**, — без передышки, без отдыха, без меры, вплоть до скончания веков, вплоть до полного исчезновения зла, вплоть до смерти самой смерти» (Жозеф де Местр 1998: 371–373).

Комментируя этот отрывок, И. Берлин замечает: «Это не квиетизм и не консерватизм, не слепая вера в status quo, не обскурантизм духовенства. *Что-то сближает его с параноидальным миром современного фашизма* (курсив мой. — Л. П.), и поразительно, что мы имеем дело с самым началом XIX в.» (Берлин 2001: 230). Здесь обращает на себя внимание некоторая неопределённость, выраженная местоимением «что-то». Хотя в дальнейшем британский историк всё же уточняет, что именно в учении де Местра можно считать предвестием фашистского умонастроения. Он пишет:

«Учение о насилии, лежащем в основе бытия, вера в могущество тёмных сил, прославление цепей, которые только и могут обуздать саморазрушительные инстинкты человека, и применение их для его же

спасения, призыв к слепой вере против разума, убеждение в том, что одно таинственное долговечно, что объяснять значит всегда скользить по поверхности, учение о крови и жертве, о народной душе и потоках, выпадающих в огромное море, о *нелепости либерального индивидуализма* (курсив мой. — Л. П.) и прежде всего о пагубном влиянии интеллектуалов — бесспорно, нам со времён де Местра приходилось всё это слышать. Его глубоко пессимистический взгляд если не в теории (временами преподносимой в обманчиво ясном облачении), то на практике составляет основу и **левой и правой разновидности тоталитаризма**, возникших в наш страшный век» (Берлин 2001: 245–246).

В интерпретации И. Берлина де Местр — не «уходящая натура» европейского Средневековья, а пророк будущего: «Оказалось реальностью тоталитарное общество, подробно описанное де Местром в форме исторического анализа, и невероятной ценой человеческих страданий были доказаны глубина и великолепие замечательного и ужасного пророка нашего времени» (Берлин 2001: 298).

Такова концепция классика либерализма Исаяи Берлина, указавшего на де Местра как своего рода «крёстного отца» современного фашизма. В этой концепции одна из ключевых позиций — радикальное отрицание самой мысли о том, что либерализм и фашизм могут иметь что-то общее. По крайней мере во времена де Местра. Однако Александр Владимирович Щипков в своей книге «Незавершённый нацизм» (2024) предложил альтернативную концепцию, указывая на либерализм как идейный «корень» современного нацизма. На первый взгляд сама идея связывания либерализма и нацизма/фашизма в некую преемственную цепочку кажется предельно парадоксальной. Действительно непонятно, каким образом мировоззрение, философия и идеология, ставящая в качестве высшей ценности индивидуальную свободу — а именно это является сутью либерализма, — может оказаться причастной к порождению явления, эту ценность радикально отрицающего?!

И, однако, автор своей книгой попытался показать, что сама по себе эта идея не так уж абсурдна. Вообще говоря, сближение либерализма и фашизма — это довольно распространённый ход мысли в левой интеллектуальной среде. И, например, в дискурсе современных российских левых вполне в ходу словосочетание «либерал-фашизм». А в США в 2008 году вышла книга Джона Голдберга «Либеральный фашизм», которая вызвала крупный общественный скандал и многочисленные статьи-опровержения. Однако на самом деле об угрозе трансформации либерализма

в фашизм в Америке говорила еще Айн Рэнд в своей публичной лекции, прочитанной 18 апреля 1965 года в Бостоне, в The Ford Hall Forum.

Лекция называлась The New Fascism: Rule by Consensus и была посвящена критике программы Линдона Джонсона, сменившего убитого Джона Кеннеди на посту президента США. Айн Рэнд усмотрела в этой программе то, что она обозначила как «стейтизм», то есть — огосударствление, и что в равной степени характеризует «социализм» и «фашизм». И, поскольку трансформация американского капитализма в социализм очевидно была и остаётся невозможной, она пришла к выводу о том, что американские либералы с помощью доктрины «управления посредством консенсуса» фактически вводят фашистский режим.

Правда, она уточняла: «Нас предупреждали, что если фашизм когда-нибудь станет возможен в Америке, то он придёт под маской социализма» (Rand 1967: 218). В доказательство своего тезиса она приводила выписки из программы гитлеровской NSDAP 1920 года, весьма напоминавшие социально-экономические принципы программы Л. Джонсона. Однако при этом она делала такую оговорку:

«Существует, однако, одно различие между типом фашизма, к которому мы сдвигаемся, и типом, который опустошил европейские страны: наш — не воинствующий вид фашизма, не организованное движение визгливых демагогов, кровавых бандитов, истеричных третьесортных интеллектуалов и малолетних преступников. Наш — усталый, изношенный, циничный фашизм, фашизм по дефолту, похожий не на пламенную катастрофу, а на тихий коллапс летаргического тела, медленно поедаемого изнутри коррупцией» (Rand 1967: 202).

Из этой характеристики можно сделать вывод, что Айн Рэнд говорила о сдвиге американских либералов к «фашизму» скорее в метафорическом смысле, используя этот термин как предупреждающий сигнал. И не надо забывать, что в те годы в США существовали организации (например, ку-клукс-клан), по поводу фашизма которых сомневаться не приходилось. А то, что предлагает А. В. Щипков, смотрится гораздо серьезнее и основательнее. Его версия связи фашизма с либерализмом вполне оригинальна, самостоятельна и при внимательном прочтении всё менее кажется парадоксальной.

Прежде всего он вводит определённое условие самого обсуждения этой темы, а именно: обязательный учёт того, что либерализм, «как показывает исторический опыт, создаёт внешний идеологический “защитный пояс” нацистских доктрин» (Щипков 2024: 8–9). Технология создания

такого «пояса» такова: «Либеральные интерпретации нацизма делают ставку на мимикрию этого явления и его фактическую реабилитацию в новых условиях и новых формах. Строго говоря, они сами являются частью предмета своего описания» (Щипков 2024: 9–10).

Из этих предварительных методологических заметок следует условие *sine qua non*: «Очевидно, что серьёзная концепция современного нацизма должна обладать иммунитетом к либерально-неонацистскому подходу — то есть исключать любые возможные либеральные концепты на уровне собственных исходных оснований» (Щипков 2024: 10–11).

Эта принципиальная методологическая дистанцированность гарантирует автору непредвзятый (объективный) подход к изучаемому феномену. Что даёт возможность дезавуировать некоторые наиболее распространённые «клише» в отношении нацизма и его отношения к европейскому культурному контексту. Во-первых, это наиболее распространённое представление о том, что нацизм возник в Европе непредсказуемо и случайно и вообще является совершенно нетипичным исключением для западной цивилизации.

«Тем самым постулируется, — отмечает А. В. Щипков, — подсознательное неприятие Европой данного социального зла и наличие в сознании европейцев некоего отторгающего “коричневые” идеологии нравственного инстинкта. Всё это, разумеется, не имеет ничего общего с действительностью» (Щипков 2024: 11). Автор приводит вполне конкретные факты, подтверждающие этот разоблачительный тезис, и, ссылаясь на «независимые исследования» западной повседневности в 30–40-х годах XX века, утверждает, что «не только политикум, но и рядовые европейцы и американцы в подавляющем большинстве были внутренне готовы к приходу нацистского режима и воспринимали его как новую социальную норму или, как сказали бы сегодня, как некую “новую нормальность”» (Щипков 2024: 13).

Этот тезис легко находит своё подтверждение, если вспомнить о том, что в Германии большинство избирателей в 1933 году проголосовали на выборах в Бундестаг за гитлеровскую партию, прекрасно сознавая, что это за политическая сила. Нацисты получили 43,3% голосов, что составило более 17 миллионов избирателей. Правда, социал-демократы и коммунисты вместе взяли более 30% и привлекли на свою сторону более 12 миллионов человек. Но всё равно приход к власти национал-социалистов совершенно законным демократическим путём — это несомненное свидетельство их поддержки немецким большинством. Да и фашистская

революция в Италии 1922 года прошла фактически в режиме мирной передачи власти от короля к дуче, во всяком случае, заметного сопротивления этому государственному перевороту никто не оказал. И Муссолини на десятилетие раньше Гитлера установил первый в Европе (и в мире!) фашистский режим.

Если режим генерала Франко в Испании тоже заносить в список «фашистских», то надо будет признать, что фалангисты смогли прийти к власти только в результате гражданской войны, а не «мирной революции» или парламентских выборов. Но испанский случай — это скорее исключение, которое подтверждает основное правило: нацизм в Европе не был необъяснимым «провалом» в «тёмные века» или вообще в дикое «варварство». Напротив, эта идеология и политическая практика являются вполне логичным результатом эволюции европейской цивилизации с учётом всех последствий Первой мировой войны.

Ещё одно типичное клише состоит в определении нацизма как «крайнего национализма». А. В. Щипков называет это «идеологическим трюком» и приводит цитату из классика западной либеральной мысли Ханны Арендт, которая специально предупреждала против истолкования нацистского расизма как «преувеличенного национализма». Коренное различие между нацизмом и национализмом, поясняет он, заключается в том, что национализм «отстаивает привилегии коренного населения на его исторической территории», а нацизм «всегда включает в себя глобальные установки» (Щипков 2024: 17).

Не менее важно и то обстоятельство, что исследователь вступает в прямую полемику с немецким историком Эрнстом Нольте, который предложил понимание европейского фашизма как реакции на победу большевистской революции в России. «Но в действительности, — утверждает А. В. Щипков, — нацизм рождается не как исторический ответ на марксизм и коммунизм, хотя и противостоит им. Он появляется на свет намного раньше — как расистская политико-идеологическая форма колониальной модели капитализма» (Щипков 2024: 21).

Следует, однако, отметить, что взгляд немецкого историка на происхождение феномена, обозначаемого термином «фашизм», более широкий. В частности, он пишет: «Война, революция, империализм, создание Советского Союза и Соединённых Штатов не были локально изолированными явлениями. Партия, возникшая из войны и боровшаяся против революции революционными средствами, радикализировала империализм и видела в Советском Союзе (а также, менее подчёркнуто,

в “американизме”) величайшую из опасностей; такая партия также не могла быть локальным изолированным явлением, хотя местные условия накладывали на неё определённые различия. Эта партия нашла бы себе место в послевоенной Европе, даже если бы Муссолини и Гитлер никогда не существовали. Для её обозначения никто всерьёз не предлагал иного термина, чем “фашизм»» (Нольте 2001: 15).

В рамках такого широкого подхода к пониманию генезиса нацизма вполне совместимым с ним представляется общий вывод А. В. Щипкова: «Нацизм представляет собой не случайную историческую ошибку или социальный системный сбой. Нацизм — это естественный продукт западного модерна» (Щипков 2024: 26). А нужно иметь в виду, что ключевой или ведущей идеологией европейского модерна был именно либерализм. Следовательно, именно с либерализмом можно связать те черты и признаки нацизма/фашизма, которые образуют специфику этого феномена.

Пространственно-завоевательный пафос германских национал-социалистов и итальянских фашистов можно связать с традицией колониальных захватов, начатых европейцами ещё в конце XV века. Именно поэтому А. В. Щипков утверждает: «Корни нацизма уходят в эпоху исторического колониализма. Без учёта этого фактора не может быть полноценного понимания нацистско-расистского феномена» (Щипков 2024: 56). Встреча европейцев с представителями других цивилизаций привела к тому, что белые европеоиды стали воспринимать себя в качестве некоей высшей расы, что в конечном счёте привело к знаменитой формуле белого супрематизма: «бремя белого человека».

Европейские колонизаторы в обеих Америках, в Африке и Азии воспринимали самих себя и презентовали себя туземцам в качестве благодетелей, носителей цивилизации и культуры, а также носителей духовного просвещения. Под предлогом несения этого тяжкого «бремени» европейцы осваивали богатейшие ресурсы своих колоний, превращали местное население в своих рабов, закладывали фундамент западного капитализма. По праву «высшей расы» они превратили многие древние цивилизации в источник собственного обогащения. Какую роль в этом процессе играл либерализм как осяевая идеология европейского модерна?

С одной стороны, можно указать на то, что именно в либеральной среде родилась идея права человека. И Декларация прав человека и гражданина была принята в революционной Франции в 1789 году. В ней не было упоминания о том, что люди отличаются по расовому признаку, но на самом деле расовое неравенство продолжало оставаться в статусе

научного факта и, таким образом, легитимизировало практику рабовладения. Стоит напомнить, что рабство официально было отменено в США только в 1865 году, а именно Соединённые Штаты считались государством, наиболее полно воплотившим принципы либерализма. И, кстати, только через 100 лет афроамериканское население Штатов получило полноценные гражданские права.

Расизм, нацизм и либерализм, считает А. В. Щипков, имеют общую ценностную (аксиологическую) систему, которая «включает в себя принцип разделённого мира и градации “человеческого материала”» (Щипков 2024: 74). Так, для классического либерализма типично ставить одних индивидов выше других. Для последующих форм либерализма типично превозносить одну нацию над другими, что фактически превращает его в национал-расизм. Есть и ещё две мутации исходного либерализма — культур-расизм (цивилизованные общества vs тоталитарные) и социал-расизм (гражданское общество vs негражданское).

Известно, что нацизм и фашизм находились в достаточно непростых отношениях с религией как таковой и христианством в частности. Для Гитлера христианство выступало в качестве опасного конкурента, мешающего сплотить нацию вокруг фюрера. Однако А. В. Щипков усматривает в одной из христианских конфессий нечто, способствовавшее появлению нацизма. Это — протестантизм. Именно в протестантской среде выработались категории, с помощью которых легитимировался либеральный капиталистический миропорядок. «Протестантская культура на протяжении веков, — пишет он, — стремилась выступать в роли носителя “общечеловеческих” дефиниций, монополизировать своё толкование человеческой истории и вывести из него общеобязательные социальные нормы — “демократические стандарты”, “фундаментальные права и свободы” и т. п.

Таким образом, исторические корни европейского комплекса цивилизационного превосходства уходят в религиозную сферу» (Щипков 2024: 87).

А если взглянуть на саму эту религиозную сферу, а именно на три христианские конфессии, то действительно можно провести определённое их сопоставление с тремя осевыми идеологиями европейского модерна. И в этом случае католицизм как социально ориентированное христианство вполне сопоставим с социализмом. И не случайно существует христианско-социальный союз как отдельная партия в Баварии. И не случайно именно у католиков Латинской Америки родилась теология освобождения. Православие скорее можно сопоставить с консерватизмом, а протестантизм — очевидно, с либерализмом.

И на самом деле либерализм в Европе шёл практически синхронно с Реформацией, отсюда такая насыщенность протестантской сотериологии и протестантской этики смыслами, связанными с практиками капиталистического предпринимательства. Либерализм освобождал индивида от оков корпоративизма, общинности, патриархальности, а протестантизм — от института Церкви и священноначалия, оставляя индивида один на один с Богом и Книгой. И, по-видимому, не случайно именно в протестантской среде возник феномен Ницше с его, с одной стороны, Анти-Христом, а с другой — Сверхчеловеком. И истолкование нищезанятия в качестве одного из философских источников нацизма не случайно стало общим местом в исследованиях этой темы.

Здесь следует отметить чрезвычайную тактичность А. В. Щипкова в вопросе о связи протестантизма с нацизмом. В частности, он делает важное пояснение: «Означает ли всё это, что люди с протестантским вероисповеданием и (или) мировоззрением непременно склонны к нацизму и расизму? Разумеется, нет. Это утверждение было бы таким же абсурдным, как, например, утверждение о том, что каждый католик в душе инквизитор». Поэтому нужно учитывать следующее: «На индивидуальном уровне парадигмальные основания культуры влияют на когнитивный стиль, но не на конечные убеждения человека. Но когда речь идёт о коллективном сознании и о сознании господствующих элит, эта зависимость, к сожалению, является куда более прямой и однозначной — культурные константы имеют определяющее значение» (Щипков 2024: 29).

Протестантизм как религиозный аналог светского либерализма особенно интересен в его английском варианте, поскольку, как справедливо отмечает А. В. Щипков, именно от английских пуритан, организовавших первые колонии в Новом Свете, то есть в Северной Америке, ещё в начале XVII века, идёт идея «богоизбранности» или — «европейский комплекс превосходства». Этот комплекс в совокупности с расовой теорией, воспринимавшейся в качестве научной доктрины, а также так называемый социал-дарвинизм (тоже британского происхождения!) — явно добавляет либерализму качеств, которые сближают (нередко вопреки желанию отдельных либералов) его с нацизмом.

Такое сближение можно проследить в экономической сфере, хотя, как констатирует А. В. Щипков, «экономика нацизма мало исследована» (Щипков 2024: 100). В книге предпринята попытка выделить ключевые особенности экономической политики гитлеровской Германии с тем, чтобы найти их аналоги в практике либерального капитализма. «Экономический

курс Германии в 1930-е годы полезно, — подчёркивает исследователь, — сравнить с курсом, которого придерживается американский либерал-нацизм сегодня, и отметить явные совпадения» (Щипков 2024: 102).

Основные черты этого курса — опора на рабский труд узников концлагерей, сотрудничество с промышленными монополиями и финансовыми кругами, «проинфляционный курс» и, наконец, «псевдопросветительская “миссия” нацистско-расистских проектов» (Щипков 2024: 103). Надо признать, однако, что такое представление о специфике нацистской экономики несколько искусственно и не вполне контекстно. Общеизвестно, что ключевой особенностью гитлеровской экономической программы была *радикальная милитаризация*, с одной стороны, и масштабное привлечение рабочей силы на выполнение «*общественных работ*» — проще говоря, государственных заказов. Особенно для создания развитой инфраструктуры высококачественных скоростных автодорог.

Гитлер готовил страну к реваншу, в этом состояла основная причина, определявшая специфику его экономической политики. Да, труд заключённых концлагерей использовался в массовых масштабах, но это характерно уже для периода с начала Второй мировой войны, то есть осени 1939 года. Крупные промышленные и финансовые корпорации Германии действительно пошли на сотрудничество с нацистской властью, и в этом смысле можно утверждать, что либерал-капитализм стал спонсором национал-социализма. Но едва ли можно на этом основании говорить о «совпадении» экономики нацизма и, скажем, «американского либерал-нацизма». Что же касается «проинфляционного курса», то тут, пожалуй, не обойтись без конкретной статистики. Поскольку в самом общем виде известно, что после катастрофического падения германской марки в результате биржевого коллапса 1929 года в период правления Гитлера марка стала одной из самых стабильных европейских (да и мировых) валют.

Но можно согласиться с тем, что работа в направлении поиска сходств нацистской и либерал-капиталистической экономик весьма перспективна. И то, что А. В. Щипков включил соответствующую главу в свою книгу, показывает наличие безошибочной исследовательской интуиции. Автор оправданно привлекает в своей работе над этим сюжетом концепцию «миросистемы» Иммануила Валлерстайна. К этому можно было бы добавить и Амина Самира, который работает практически в той же логике, что и А. В. Щипков. Вот как он характеризует современную ситуацию:

«Милитаристский выбор Соединённых Штатов угрожает всем. Он вытекает из той же логики, какая была и у Гитлера — путём военного

насилия изменить существующие экономические и общественные отношения в пользу сегодняшних избранных людей (Herrenvolk)... То, что режим, подчиняющийся механизмам демократии, вновь ради собственной выгоды берёт на вооружение принцип, который с гордостью провозгласили нацисты (имеется в виду принцип «кто сильнее, тот и прав». — Л. П.), не является смягчающим обстоятельством, а, напротив, делает это преступление ещё более чудовищным» (Амин 2007: 118).

Очень важно отметить, что попытка как бы «завершить» нацизм, по крайней мере — теоретически, предпринята А. В. Щипковым именно в тот момент, когда сам этот зловещий феномен не просто возрождается на наших глазах, а при этом получает всестороннюю поддержку либерального Запада. Уродливый и крайне опасный альянс нацистов и либералов получил своё наглядное воплощение в недавнем эпизоде в парламенте Канады. Весь парламент, премьер-министр Трюдо и глава киевского бандеровского режима Зеленский стоя аплодировали дожившему до наших времён солдату дивизии СС «Галичина» Ярославу Гуньке за то, что он боролся с русскими!

Скандалность этой сцены усиливается от того, что сегодня на полях Украины мы вновь — как и в 1943 году — вынуждены сражаться с нацизмом, который открыто используется либеральным Западом для того, чтобы нанести нам «стратегическое поражение на поле боя». Но на самом деле «поле боя» включает в себя и ментальное пространство, в котором идёт схватка за умы и души наших людей, особенно молодых. Поэтому книга А. В. Щипкова, написанная сегодня, помимо своей теоретической ценности, имеет ещё и вполне прикладное — идеологическое значение.

«Без встречной идеологии, поддерживающей борьбу русских за своё существование, — совершенно справедливо утверждает автор, — противостоять вызову атлантистского Запада невозможно. Это ключевое условие русской мобилизации. В основе такой идеологии неизбежно будет лежать анализ нацизма (шире — различных форм расизма и фашизма) как ядра западноевропейского менталитета, существующего на протяжении столетий и определяющего вектор развития западной цивилизации в духе *Drang nach Osten*» (Щипков 2024: 121).

В связи с вопросом о характере этой давно востребованной «встречной идеологии» мне бы хотелось обсудить такую проблему, как судьба либерализма в русской интеллектуальной и общекультурной традиции. Если западноевропейский либерализм в той или иной степени оказывается, как убедительно демонстрирует А.В. Щипков, в тесной

идейно-мировоззренческой и практически-политической связи с нацизмом, то можно ли утверждать то же самое относительно либерализма русского? И уже с самого начала напрашивается отрицательный ответ хотя бы потому, что в русской интеллектуальной среде такого явления, как нацизм, не было.

Да, в период после революции и Гражданской войны возникло идейное течение «русский фашизм»². Однако оно было маргинальным и в прямом географическом, и в переносном — интеллектуальном смысле. «Русский фашизм» появился в среде эмиграции в китайском Харбине и никакого серьёзного влияния на основную массу эмигрантов в Европе не оказал. Кроме того, во всех документах этого движения либерализм характеризовался в качестве основного врага. В частности, в таком программном документе движения, как «Азбука фашизма», написанного в качестве прямого ответа на «Азбуку коммунизма» Н. Бухарина и Е. Преображенского, по поводу либерализма говорится следующее:

«Либерализм в обеих своих формах — политической и экономической — в виде демократии и в виде капитализма — ярко демонстрирует разлад слова и дела, теории и жизни, обостряет противоречия между личностью и обществом, рождает классовую борьбу и классовое насилие, превращает государство в игрушку в руках различных групп финансового капитала, разлагает религию и нацию, — заходит в конце концов в тупик, разжигает социальные противоречия и терпит крах» (Звезда и свастика 1994: 211)³.

В связи с этой критикой либерализма можно вспомнить Александра Герцена, который в 1848 году критиковал европейских либералов за абстрактность и полную отдалённость от реальной жизни их идеалов. Но можно и, полагаю, нужно вспомнить о Борисе Николаевиче Чичерине, который в 1861 году выступил с критикой либерализма «уличного» и «опозиционного», предложив в качестве идеологии глубоких реформ либерализм охранительный, то есть — консервативный.

«Сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его — либеральные меры и сильная власть» (Чичерин 1998: 471). Представляется, что эта политическая формула, введённая в оборот русским консервативным либералом Б. Н. Чичериным, вполне подходит в качестве одного из базовых принципов той «встречной идеологии», о необходимости разработки

² Историю этого движения см. в: (Джоу 1992).

³ Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. — М.: Терра, 1994. — С. 211.

которой говорит А. В. Щипков. И, кстати, не исключено, что рецепция западноевропейского либерализма на русской почве позволила избавить его от тех «опасных связей» с нацизмом и расизмом, которые так убедительно продемонстрированы в книге «Незавершённый нацизм».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Берлин И. Философия свободы. Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2001. — 448 с.

Джон С. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. — М. : изд-во Слово/Slovo, 1992. — 442 с.

Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. — М. : Терра, 1994. — 320 с.

Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. — Т. 1. — М. : МП Рарог, 1992. — 343 с.

Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера. — СПб. : Алетейя, 1998. — 518 с.

Нольте Э. Фашизм в его эпохе. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. — 568 с.

Самир А. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. — М. : Европа, 2007. — 162 с.

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. — М. : Политиздат, 1990. — 448 с.

Чичерин Б. Н. Философия права. — СПб. : Наука, 1998. — 654 с.

Щипков А. В. Незавершённый нацизм. Генезис, трансформация и родственные явления. — М. : РПУ св. Иоанна Богослова, 2024. — 134 с.

Rand Ayn. Capitalism: The unknown Ideal. — NY. : Signet, 1967. — 349 p.

Сведения об авторе:

Леонид Владимирович Поляков — доктор философских наук, профессор, Департамент политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, ул. Мясницкая, 11, lpolyakov@hse.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 29.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.

L. V. Polyakov

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS,
MOSCOW, RUSSIA

Prolegomena to a “Counter-Ideology” Reflections on the Book: A. V. Shchipkov. Unfinished Nazism. Genesis, Transformations and Related Phenomena.

Abstract: This article offers reflections on A.V. Shchipkov’s book *Unfinished Nazism: Genesis, Transformations, and Related Phenomena*. In it, the author proposes a quite paradoxical thesis, identifying liberalism as the ideological “root” of contemporary Nazism. Previously, drawing connections between liberalism and fascism was an intellectual move typically confined to leftist academic circles. However, the author emphasizes that this particular interpretation of the connection between fascism and liberalism is both original and independent in its own right. As a necessary condition for the discussion, he emphasizes the need to recognize liberalism as an external ideological “protective belt” that shields and legitimizes Nazi doctrines. A serious conceptual framework for understanding modern Nazism, therefore, must be immune to the liberal–neo-Nazi perspective and must exclude any liberal constructs at its very foundation. This methodological distancing enables the author to challenge the most widespread clichés about Nazism. For instance, that it emerged in Europe unpredictably and by accident, as an anomalous exception within Western civilization. In his book, Shchipkov argues instead that Nazism did not arise as a historical reaction to Marxism or

communism, but much earlier, as a racist, political-ideological form inherent in the colonial model of capitalism. According to this view, Nazism is not a historical aberration or a systemic failure of society, but a natural product of Western modernity. The imperial and expansionist pathos of fascism, in this light, can be traced back to Europe's colonial conquests that began in the late 15th century, culminating in the famous notion of the "white man's burden". Thus, racism, Nazism, and liberalism share a common value system, one based on the division of the world and the hierarchical classification of "human material". One of the key points in the book is that the historical kinship between fascism and liberalism — i.e., the European complex of civilizational superiority — ultimately has religious roots, which lie in Protestantism and the Reformation. (This, however, does not imply that individuals with Protestant beliefs and (or) worldviews are inherently inclined toward Nazism or racism). Shchipkov's attempt to "theoretically complete" the concept of Nazism comes at a time when this sinister phenomenon is not only re-emerging before our eyes but is also receiving comprehensive support from the liberal West. The "battleground" today includes the mental and ideological sphere, where a struggle is underway for the minds and souls of our people. For this reason, Shchipkov's book also serves an applied purpose: it contributes to the development of a counter-ideology.

Keywords: Nazism, fascism, liberalism, socialism, totalitarianism, Protestantism, A. V. Shchipkov

For citation: Polyakov, L. V. (2025). Prolegomena to a "Counter-Ideology". Reflections on the Book: A. V. Shchipkov. Unfinished Nazism. Genesis, Transformations and Related Phenomena. *Orthodoxia*, (1), 102–121. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-102-121

REFERENCES:

- Berlin, I. (2001). *Filosofiya svobody. Evropa* [The philosophy of freedom. Europe]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian].
- John, S. (1992). *Russkie fashisty. Tragediya i fars v emigracii 1925–1945* [Russian fascists. Tragedy and farce in exile 1925–1945]. Moscow : Slovo. [In Russian].

Zvezda i svastika. Bol'shevizm i russkij fashizm [A star and a swastika. Bolshevism and Russian fascism]. (1994). Moscow : Terra. [In Russian].

Ilyin, I. A. (1992). *Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948–1954 godov. V dvuh tomah* [Our tasks. The historical fate and future of Russia: articles 1948–1954: in two volumes]. (Vol. 1). Moscow : MP Papor. [In Russian].

Maistre, J. de. (1998). *Sankt-Peterburgskie vechera* [St Petersburg Dialogues]. Sankt-Petersburg : Aleteya. [In Russian].

Nolte E. (2001). *Fashizm v ego epohe* [Fascism in Its Epoch]. Novosibirsk : Sibirskij hronograf. [In Russian].

Samir, A. (2007). *Virus liberalizma: permanentnaya vojna i amerikanizatsiya mira* [The virus of liberalism: Permanent war and the Americanization of the world]. Moscow : Evropa. [In Russian].

Trotsky L. D. (1990). *K istorii russkoj revolyucii* [Towards the history of the Russian Revolution]. Moscow : Politizdat. [In Russian].

Chicherin B. N. (1998). *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, Nauka. [In Russian].

Shchipkov A. V. (2024). *Nezavershyonnyj nacizm. Genezis, transformatsiya i rodstvennye yavleniya* [Unfinished Nazism. Genesis, Transformations and Related Phenomena]. Moscow, ROU of Saint John the Theologian. [In Russian].

Rand Ayn. (1967). *Capitalism: The unknown Ideal*. NY. : Signet.

About the author:

Leonid Vladimirovich Polyakov — Doctor of Philosophy, Professor, School of Politics and Management, National Research University Higher School of Economics, 11, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000, lpolyakov@hse.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 29.01.2025; accepted for publication 06.02.2025.